

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ)

В. А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ*

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ В СВЕТЕ МИРОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ОПЫТА

В статье предпринимается попытка осмыслить сущность революций 1917 г. в России с позиции мирового революционного опыта. Автор показывает, как формировался и развивался термин «революция» в европейской лексике, как изменялось понимание феномена революции. В статье проводится мысль о том, что разгадка тайн российских революций 1917 г. имеет огромное значение для понимания самого явления революции.

Ключевые слова: революция, государственный переворот, мятеж, разрушение государства, революции 1917 года в России.

The article attempts to comprehend the essence of the revolutions of 1917 in Russia from the perspective of international revolutionary experience. The author shows how the term «revolution» was formed and developed in the European lexicon and how the understanding of the phenomenon of revolution was changed. The article presents the idea that unraveling of the mysteries of the Russian revolution of 1917 is of great importance for the understanding of the phenomenon of revolution.

Keywords: revolution, coup d'état, rebellion, destruction of the state, revolutions of 1917 in Russia.

О роковых для российской государственности событиях 1917 г. написано множество научных книг и статей, опубликовано большое количество воспоминаний их участников и просто свидетелей. Различные перипетии данных событий отражены в многочисленных документах. Все эти материалы дают детальное представление о том, как был свергнут с императорского престола Николай II и возникло новое правительство вместо царского, что происходило в стране в последующие месяцы и каким образом верховная государственная власть оказалась в распоряжении большевиков. Однако подлинный смысл произошедшей в России столетие назад грандиозной государственной катастрофы остается неразгаданным. Вследствие этого

поступки ее главных действующих лиц — императора, членов царствующей династии, министров царского правительства и пришедшего ему на смену так называемого «Временного правительства», а также военачальников, руководителей Государственной думы, влиятельных промышленников и финансистов — кажутся чрезвычайно странными, не мотивированными или совершенными под действием сугубо случайных мотивов.

Термин «революция», который применяется для обозначения судьбоносных для России событий 1917 г., сам по себе не объясняет их сути. Трудно назвать другой термин, который бы своим внутренним смыслом в такой большой степени не соответствовал обозначаемому им явлению. Ведь приставка «ре» к слову «эволюция» указывает на обратное движение, возвращение к прежнему состоянию. Между тем в современной литературе данным термином чаще всего называют быстрый, насильственный переход общества и государства в новое состояние¹.

Выражая доминирующее в гуманитарных науках представление о революции, немецкий экономист Эмиль Ледерер давал этому явлению следующее определение: «Революция — это быстрое низвержение политической системы посредством массового действия, с использованием насильственных средств, на основе идей, которые, долго вызревая, приводят к преобразованию юридического и социального порядка»².

Израильский социолог Шмуэль Айзенштадт отмечал, выделяя общие черты, свойственные всем крупнейшим революционным преобразованиям в мировой истории, что «понятие “революция”, несомненно, в первую очередь обозначает радикальное изменение политического строя, не сводимое только к смещению власть предержащих, идет ли речь о конкретных лицах или о правящих группировках. Революция — это ситуация, в которой все смещения и перемены, осуществляемые, как правило, насильственным путем, ведут к радикальной трансформации самих правил политической игры, символов и основ легитимности и сочетаются с новым видением политического и социального порядка»³.

¹ «Революция социальная — коренной переворот в жизни общества, изменяющий его структуру и означающий качественный скачок в его прогрессивном развитии» — такое определение представлено в «Советской исторической энциклопедии» (Т. 11. М., 1968. Стлб. 926).

² “Revolution is a sudden overthrow of a political system through mass action, using means of force; on the basis of ideas which have long been in preparation it brings about a transformation in the legal and social order” (*Lederer E. On revolutions // Social Research. 1936. Vol. 3. N1. P. 1*).

³ *Айзенштадт Ш. Н. Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // Thesis. 1993. Вып. 2: Структуры и институты. С. 193.*

Подобным же образом данное явление определяется в книге известного американского политолога Самуэля Хантингтона (1927—2008) «Политический порядок в изменяющихся обществах». По его словам, «революция — это быстрое, фундаментальное и насильственное внутрисоциальное изменение в доминирующих ценностях и мифах общества, в его политических институтах, социальной структуре, руководстве и правительственной деятельности и политике»⁴. В связи с этим С. Хантингтон отличает революцию от восстаний (*insurrections*), мятежей (*rebellions*), бунтов (*revolts*), государственных переворотов (*coups d'état*) и войн за независимость, указывая, что «государственный переворот меняет только руководство (*leadership*) и, возможно, политику, мятеж или восстание может изменить политику, руководство и политические институты, но не социальную структуру и ценности; война за независимость представляет собой борьбу одного общества против господства над ним чужого общества и не обязательно влечет за собой изменения в социальной структуре того или иного общества»⁵.

Оценивая определение революции, данное Самуэлем Хантингтоном, американский историк Перез Загорин назвал его произвольным и малопригодным для применения в исторической науке, поскольку «оно не оставляет места для большинства крестьянских восстаний, городских бунтов и провинциальных или национальных сепаратистских мятежей, упоминая лишь о нескольких таких явлениях. Принятие его имело бы единственным результатом бессмысленное сужение пространства как для сравнительного, так и теоретического исследования революции»⁶. Вместе с тем П. Загорин признал, что выработать в полной мере удовлетворительное определение термина «революция» вряд ли возможно из-за сложности данного феномена и его переменных свойств, которые нельзя не учитывать⁷ и поэтому «общая теория революции остается подверженной путанице, сомнению и разногласию. Даже элементарные вопросы определения, терминологии и отграничения области собственно революции, которые должны быть прояснены, до сих пор остаются нерешенными»⁸.

⁴ “A revolution is a rapid, fundamental, and violent domestic change in the dominant values and myths of a society, in its political institutions, social structure, leadership, and government activity and policies” (*Huntington S. R. Political Order in Changing Societies. New Haven; L., 2006. P. 264*).

⁵ *Ibidem*.

⁶ *Zagorin P. Theories of Revolution in Contemporary Historiography // Pol. Sci. Quart. 1973. Vol. 88. N1. P. 28.*

⁷ “Perhaps it is impossible to establish a completely satisfactory definition of the term, so complex are the phenomena and variables to be included” (*Ibidem*).

⁸ “The general theory of revolution remains subject to confusion, doubt, and disagreement. Even elementary questions of definition, terminology, and delimitation of the field to be explained are still not settled” (*ibid. P. 29*).

Американский социолог Дэйл Йодер (*Dale Yoder*), специально изучавший в 20-е гг. XX в. употребление термина “revolution” в научной и публицистической литературе, пришел к выводу, что оно слишком субъективно и хаотично. В опубликованной в 1926 г. статье «Текущие определения революции» он отмечал: «Термин “революция” является одним из наиболее часто употребляемых и, подозреваю, одним из таких слов, которые используются самым неправильным образом. Данный термин приобрел как внутри, так и вне литературы по общественным наукам множество значений, делающих его применимым для личных целей подобно хамелеоновой коже. В общем языковом обиходе он несет смыслы и значения, вызывающие как сильнейшие страхи, так и самые большие надежды. Для некоторых он представляет собой самую грозную опасность, угрожающую современной цивилизации; для других — единственный проблеск надежды в нынешнем мире тьмы. Поверье, что революция есть бедствие самого ужасного порядка и то, чего надо избегать любой ценой, является столь всеобщим, что ежедневные газеты регулярно пишут о ней как о самой значительной катастрофе, с которой сталкиваются современные народы. Наиболее эффективный способ противостоять какому-либо современному общественному движению состоит в том, чтобы заклеить его как “революцию” или предположить, что оно является шагом в этом направлении»⁹.

Подобное отношение к слову «революция» сохраняется и по сей день. При этом не учитывается чрезвычайная многозначность и неопределенность данного термина, присущая ему с момента появления в европейском лексиконе.

Большинство ученых, пишущих о революции, связывают происхождение этого слова с астрономией. Так, профессор Университета штата Кентукки Томас Макпартлэнд считает, что термин «революция» «впервые приобрел известность с публикации в 1543 году сочинения Коперника “De Revolutionibus Orbium Coelestium”, где это слово относилось к обращению небесных сфер. Понятие “обращение (revolving)” было применено в семнадцатом столетии к обращению

⁹ “The term ‘revolution’ is one of the most used and, one suspects, one of the most misused of words. Both within and without the literature of the social sciences it has acquired a variety of meanings which make it as adaptable to personal purposes as is the chameleon’s skin. In general parlance, it carries connotations and significances which involve the deepest fears as well as the highest hopes. To some it represents the most formidable danger threatening modern civilization; to others, the only gleam of hope in a present world of darkness. So general is the popular belief that revolution is a calamity of the direst order and a thing to be avoided at any cost that the newspapers of the day regularly refer to it as the one outstanding catastrophe which faces modern nations. The most effective means for opposing any present-day social movement is to brand it as ‘revolution’ or to suggest that it is a step in that direction» (*Yoder D. Current Definitions of Revolution // Amer. J. Soc. 1926. Vol. 32. N3. P. 433*).

(revolving) форм правления, как оно было сформулировано в классическом стиле древним историком Полибием. Естественным ходом развития форм правления, согласно Полибию, было превращение (revolving) монархии в тиранию, тирании — в аристократию, аристократии — в олигархию, олигархии — в демократию, демократии — в охлократию и охлократии — в монархию, что начинало цикл превращений заново»¹⁰.

Эту точку зрения разделяла известный исследователь феноменов революции и тоталитаризма немецкий философ Ханна Арендт. «Слово “революция”, — утверждала она, — пришло из астрономии и встречается первоначально в великом произведении Коперника “*De revolutionibus orbium coelestium*”. Научное словоупотребление сохранило точный латинский смысл, указывающий на закономерное и круговое, постоянно обращающееся движение небесных тел, которое считалось неподвластным влиянию людей и неодолимым, и поэтому не характеризовалось ни новизной, ни насильственностью. Напротив, это слово явно указывает на циклическое, совершающееся само собой движение»¹¹.

По мнению Ханны Арендт, для обозначения общественных процессов термин «революция» стал применяться только в XVII в. «Так, например, мы не встречаем этого слова тогда, когда в Англии вспыхнуло то, что назвали бы революцией, и когда Кромвель установил свою диктатуру, — замечала она, — но, напротив, встречаем его в 1660 году, после падения парламентского охвостья (*Rumpfparlament*) и реставрации монархии»¹².

¹⁰ “The term first attained prominence with the publication of Copernicus’s *De Revolutionibus Orbium Coelestium* in 1543, where the word referred to the revolution of the heavenly spheres.

This notion of ‘revolving’ was applied in the seventeenth century to the revolving of the forms of government as articulated in classic fashion by the ancient historian Polybius. The natural course of forms of government, according to Polybius, was the revolving of kingship into tyranny, tyranny into aristocracy, aristocracy into oligarchy, oligarchy into democracy, democracy into mob rule, and mob rule into kingship to start the cycle again” (*McPartland Th. J. Revolutions: Progress or Decline? // Revolutions: Finished and Unfinished, From Primal to Final / Ed. by P. Caringella, W. Cristaudo, G. Hughes. Cambr., 2012. P. 10*).

¹¹ “Das Wort ‘Revolution’ kommt aus der Astronomie and beignet zuerst in dem großen Werk des Kopernikus, “*De revolutionibus orbium coelestium*”. Der wissenschaftliche Sprachgebrauch behielt den präzisen lateinischen Sinn bei und bezeichnete eine gesetzmäßig und kreisläufig verlaufende ‘revolvierende’ Bewegung der himmlischen Körper, welche dem Einfluß des Menschen entzogen für unwiderstehlich galt und daher weder durch Neuheit noch durch Gewaltigkeit charakterisiert war. Im Gegenteil, da das Wort deutlich eine in sich selbst zurücklaufende Bewegung indiziert” (*Arendt H. Das Phänomen der Revolution // Politische Vierteljahresschrift. 1963. Vol. 4. N2. S. 134*).

¹² “So finden wir also z. B. das Wort nicht, als in England das ausbrach, was wir eine Revolution nennen würden und Cromwell seine Diktatur errichtete, sondern im Gegenteil im Jahre 1660, als das Rumpfparlament gestürzt war und die Monarchie restauriert wurde” (*ibid. S. 135*).

На самом деле слово “revolution” появилось намного раньше. Оно встречается уже в латинской литературе поздней Античности — в частности, в трудах раннехристианского богослова Блаженного Августина Аврелия (*Sanctus Aurelius Augustinus*, 354—430) и латинского писателя Марциана Миннея Феликса Капеллы (*Martianus Minneus Felix Capella*), жившего в конце IV и в первые десятилетия V в. Данное слово произошло от латинского термина “revolution”, образованного от глагола “revolve”, который означал действие, предполагавшее возвращение назад или превращение в прежнее состояние¹³.

Древнегреческие мыслители не прошли мимо явления, предполагавшего циклические изменения, но устойчивого единого термина для его обозначения не выработали. Английский специалист по античной лингвистике профессор Лондонского университета Артур Томас Хатто считал, что «причину этого следует искать в том, что их цивилизация не имела опыта классической революции, подобного нашему, который дала революция 1789 года»¹⁴.

Исследование употребления термина “revolution” в произведениях латинских писателей поздней Античности приводит к выводу о том, что им обозначались повторяющиеся явления самого разного характера. Блаженный Августин характеризовал этим термином движение души в пространстве и времени, а также циклическую смену различных состояний, которые могут принимать люди. В конце гл. 12 последней 22-й книги трактата «О граде Божиим», направленного против язычников, христианский идеолог писал, что они, осмеивая веру христиан в воскресение, «обещают человеческой душе, как это делает Платон, чередование состояний действительного несчастья и ложного блаженства; или же думают, подобно Порфирию, что после многих революций в различные тела душа когда-нибудь завершит свои злоключения и никогда больше в них не вернется; но не потому, что будет иметь бессмертное тело, но оттого, что освободится от всякого тела»¹⁵ (выделено мною. — *В.Т.*).

В 12-й книге трактата «О Троице» Августин также использовал термин *revolution*. Он писал здесь о людях, которые думают, что можно из мертвых превратиться в живых так же, как «из живых бес-

престанно становятся мертвыми», «из бодрствующих — спящими, а из спящих — бодрствующими». Это превращение было названо им «революцией»¹⁶.

Писатель карфагенского происхождения Марциан Капелла использовал термин “revolution” в астрономическом значении. В последней 9-й книге своего аллегорического сочинения «О бракосочетании Филологии и Меркурия», посвященном семи свободным искусствам, он назвал перемещения звезд в небесной сфере «звездными революциями (*siderae revolutionis*)»¹⁷. В современном американском издании указанного произведения данное словосочетание, обозначающее природное циклическое движение звезд, было переведено с латинского на английский язык словами “the courses of the sidereal spheres”¹⁸. Переводчик отказался таким образом использовать термин “revolution” в его античном значении, подразумевавшем стихийный повторяющийся процесс превращения из одного состояния в другое.

Астрономическое или астрологическое значение термина “revolution” возобладали в европейской культуре времен Средневековья и Возрождения. В августе 1489 г. в Аугсбурге был издан на латинском языке трактат арабского астронома Абу Машара¹⁹, переведенный еще в 1135 г. Йоханнесом Испанским (Иоанном Севильским). Переводчик дал этому произведению следующее латинское название: “Liber individuorum superiorum in sununa de significationibus super accidentia que efficiuntur in mundo”. Однако его типографское издание, осуществленное спустя 350 лет, почему-то назвали по-другому и в этом названии было использовано слово “revolution” — “Albumasar De magnis coniunctionibus: annorum **revolutionibus**: ac eorum profectionibus; octo continens tractatus” (Восемь трактатов Абу Машара, посвященных великим соединениям, годичным обращениям (революциям) и их причинам). Под таким названием трактат арабского астронома издавался и в последующем.

¹⁶ Дословно Августин писал об этом следующее: “et eo modo affectas esse illorum mentes etiam vigilantium, instinctu spirituum malignorum atque fallacium, quibus cura est de **revolutionibus** animarum falsam opinionem ad decipiendos homines firmare vel serere, ex hoc conjici potest, quia si vere illa recordarentur quae hic in aliis antea positi corporibus viderant, multis ac pene omnibus id contingeret: quandoquidem ut de vivis mortuos, ita de mortuis vivos, tanquam de vigilantibus dormientes, et de dormientibus vigilantes, sine cessatione fieri suspicantur” (*Sancti Aurelii Augustini, Hipponensis episcopi. De Trinitate // Sancti Aurelii Augustini, Hipponensis episcopi. Opera omnia, multis sermonibus ineditis aucta et locupletata, extracta et collectione SS. Ecclesiae Patrum. Tomus III. Parisiis, MDCCCXXXIX (1839). P. 494*)

¹⁷ *Martiani Minei Feligis Capellae, afri carthaginensis. De nuptiis Philologiae et Mercurii et de septem artibus liberalibus. Libri novem. Frankfurti ad Moenum, MDCCCXXXVI (1836). P. 715.*

¹⁸ *Martinus Capella and Seven Liberal Arts. Vol. 2: The Marriage of Philology and Mercury / Transl. by W. H. Stahl, R. Johnson, E. L. Burge. N.Y., 1977. P. 357.*

¹⁹ Полное его имя: Джафар ибн Мухаммад аль-Балхи, годы жизни — 787—886.

В 1543 г. в немецком городе Нюрнберге был напечатан трактат польского астронома Николая Коперника “De revolutionibus orbium coelestium”²⁰. Он действительно сыграл немаловажную роль в утверждении термина «революция» в европейской науке раннего Нового времени. Однако нет никаких оснований считать, что данный термин имел в то время исключительно астрономическое содержание и применялся для обозначения только природных процессов.

Дошедшие до нас тексты итальянских хроник XIV в. показывают, что термин “*rivoluzione*” неоднократно использовался в них для обозначения политических переворотов. Так, в «Исторической хронике» флорентийского интеллектуала Маттео Виллани (ок. 1285–1363), продолжавшего хронику, которую вел его брат Джованни Виллани²¹, данный термин был употреблен при описании свержения в Сиенской республике в 1355 г. режима олигархии и перехода власти к попалам — небогатым торговцам и ремесленникам, составлявшим средний слой общества. Маттео Виллани считал необходимым отметить, что «быстрая революция была сделана для того, чтобы граждане Сиены разрушили и ниспровергли старый режим и установили новый порядок»²². В подобном значении он применил термин “*rivoluzione*” и в девятнадцатой главе пятой книги своей хроники²³.

Политический смысл этому термину придавал и флорентийский интеллектуал Франческо Гвиччардини (1483–1540). Высоко оценивая в своей «Истории Флоренции» результаты правления Лоренцо ди Пьеро де Медичи, прозванного «Великолепным», он заметил, что «его смерть породила революцию (*che la sua morte avessi a partorire rivoluzione*)»²⁴. В данном случае словом “*rivoluzione*” Ф. Гвиччардини назвал изгнание толпой горожан Пьеро II, старшего сына Лоренцо Великолепного, занявшего после него пост правителя Флоренции. Следствием этого восстания стало восстановление во Флоренции республиканской формы правления. Таким образом, и Маттео Виллани, и Франческо Гвиччардини использовали термин “*rivoluzione*” для обозначения насильственного и коренного государственного преобразования.

²⁰ Nicolai Copernici Totinensis. De revolutionibus orbium coelestium, Libri VI. Norimbergae, MDXLIII (1543). В переводе на русский язык данный трактат известен под названием «О вращении небесных сфер».

²¹ Сокращенный вариант этого произведения издан на русском языке. См.: Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. М., 1997.

²² “...La subita **revoluzione** fatta per i cittadini di Siena d’averne disfatto e abbattuto il loro antico reggimento e l’ordine de’ nove” (Chroniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Milano, 1848. Vol. 5. P. 390).

²³ “...e in segno di ciò furono rivoluzioni e gravi novità ch’ appresso ne seguirono, come leggendo nostro trattato si potrà trovare” (ibid. P. 413).

²⁴ Opere di Francesco Guicciardini. Vol. I: Torinese. 1970. P. 81.

К началу XVII в. термин «революция» явно перестал мыслиться в качестве только астрономического. Он приобрел общекультурное значение. Об этом свидетельствуют толкования данного термина в языковых словарях. Так, в «Словаре французского и английского языков», изданном в 1611 г., к слову “*revolution*” давалось следующее пояснение: «Полный кругооборот, движение по кругу, возвращение на первоначальное место или в исходный пункт, осуществление кругового движения (a full compassing, rounding, turning back to it first place, or point; to accomplishment of a circular course)»²⁵. В «Английском словаре, толкователе трудных английских слов», который был издан в 1647 г., давалось более краткое, но, по сути, такое же пояснение рассматриваемому термину. В нем объяснялось, что революция — это «поворот или обращение прежде всего в течении времени (Revolution, a winding or turning about, especially in the course of time)»²⁶.

Такие трактовки термина “*revolution*” выводили его из сферы какой-либо одной науки, например астрономии, поднимая на более высокий уровень обобщения. Данный термин приобретал общекультурный смысл: он становился знаковым символом, обозначающим одно из важнейших свойств как природных, так и общественных процессов, а именно цикличность развития природы и общества.

Осмысление европейскими интеллектуалами опыта английских революций XVII в. привело их к выводу о том, что совершенных форм правления нет, но все они — будь то монархия, республика или диктатура, а также государство в целом и отдельные государственные органы — подвержены разложению и, следовательно, постоянной смене. Для обозначения этого процесса стало употребляться слово “*revolution*”.

Именно в этом значении использовал данный термин в названии своего трактата, написанного в 1648 г., английский парламентарий и дипломат Энтони Эшэм (1614–1650). Он назвал его «Рассуждение, в котором рассматривается, что является особенно законным в ходе смут и революций правлений»²⁷. Причиной постоянной смены форм правления Э. Эшэм считал несовершенство человеческой природы. «Монархическое государство, — отмечал он, — из всех остальных является самым лучшим, особенно когда оно представляет божествен-

²⁵ A Dictionarie of the French and English Tongues / Comp. by R. Cotgrave. L., 1611. Нумерация страниц в этом издании отсутствует.

²⁶ The English Dictionarie or, An Interpreter of hard English Words / Rev., enl. by H. C. Gent. L., 1647. Нумерация страниц в этом издании отсутствует.

²⁷ В 1649 г. данный трактат был переиздан под несколько измененным названием «О смутах и революциях правлений». См.: *Ascham*. Of Confusions and Revolutions of Governments. Wherein is examined how farre a man may lawfully conforme to the Powers and Comands of those, who with various successes hold Kingdoms divided by Civil or Forraigne Warrs. L., 1649.

ное господство, более в правосудии, чем в единой личности правителя, но поскольку не бывает монарха, наделенного благоразумием и добродетелью, в любом случае столь же великими и высшими, как его власть, то он не может не совершать серьезных ошибок»²⁸. «Аристократия, — полагал Эшэм, — стоит как посредник между крайностями королевского и народного правления; но смешение часто порождает монстров»²⁹. Демократия порицалась им за то, что «приводит всех к равенству и поощряет свободу людей во всем». Но главный порок этой формы правления Энтони Эшэм усматривал в том, что она смешивает управляющих и управляемых. Между тем, по его мнению, для человека очень опасно быть одновременно пациентом и врачом для самого себя. Свои рассуждения о пороках всех форм правления английский мыслитель завершил печальным выводом: «Если эта верховная власть попадает в руки опрометчивой и непостоянной толпы, она превращается в огромного зверя, которого лучше всего держать в цепях. Вот круг, по которому мы так мучительно двигаемся, не удовлетворяя свои желания»³⁰. Движение по этому кругу он и назвал словом “revolutions”.

Еще один и, пожалуй, наиболее интересный смысл придал термину «революция» Марчамонт Недхэм (*Marchamont Nedham*, 1620–1678). В памфлете «Превосходство свободного государства», изданном в 1656 г., он представил революцию в качестве насильственной смены правления, которая является в руках народа единственным средством для предотвращения тирании и ограничения пороков властвующих. «Так как свобода в республике может быть сохранена не иначе как поддержанием ответственности должностных лиц и правителей; и поскольку оказывается, что никакие постоянные власти невозможно призвать к ответственности без многих затруднений или не втягивая народ в кровь и страдания. И так как революция правления в руках народа всегда являлась единственным средством сделать правителя ответственным и предотвратить неудобства тирании, безумия, нищеты, поэтому мы можем на основании этого и других вышеупомянутых доводов сделать вывод о том, что Свободное Государство, или Правление Народа, установившее надлежащим и упорядоченным образом преемственность своих верховных

²⁸ *Asham A.* A discourse wherein is examined, what is particularly lawful during the confusions and revolutions of government: or, How farre a man may conform to the powers and commands of those who with various successes hold Kingdoms divided by Civil or Forraigne Warrs. L., 1648. P. 70.

²⁹ *Ibidem.*

³⁰ “If this supreme power fall into the hands of a heady and of an unconstant multitude, it is log'd in a great animall, which cannot be better then in chains. This is the circle which we so painfully move in without satisfying our desires” (*ibid.* P. 71).

ассамблей, в любом отношении является лучше, чем какая-либо форма вообще»³¹.

К 1660 г., времени завершения английской революции, термин “revolution” стал уже довольно распространенным. Так, в одном из писем при описании отстранения Ричарда Кромвеля от власти в апреле 1659 г. данная перемена правительства была названа словами «эта последняя великая революция»³². В письме генералу Монку, датированном 4/14 апреля 1660 г., король Англии Карл II, еще пребывавший в то время в нидерландском городе Бреда, писал: «Вы были свидетелем столь многих революций и обладаете таким большим опытом, и знаете, насколько любая власть и полномочия, подверженные влиянию страсти и желания и не поддерживаемые правосудием, не обеспечивают народу счастья и мира»³³. В декларации Карла II, направленной в тот же день из Бреды его подданным, говорилось о безумствах, длившихся много лет, и о «многих и великих революциях»³⁴. В подобном же значении, т. е. для обозначения политических катаклизмов 40-х и 50-х гг. XVII в., Карл II употреблял термин “revolution” и в письме в Палату общин, датированном 4/14 апреля 1660 г.³⁵ В письме же, направленном в этот день должностным лицам Лондонского сити, было сказано о «великих революциях, которые в последнее

³¹ “The inference from the foregoing particulars, is easy, That since freedom is to be preserved no other way in a commonwealth, but by keeping officers and governors in an accountable date; and since it appears no standing powers can ever be called to an account without much difficulty, or involving a nation in blood or misery. And since a revolution of Government in the Peoples hands, has ever been the only means to make Governours accountable, and prevent the inconveniences of Tyranny, Distractions, Misery; therefore for this and those other reasons foregoing, we may conclude, That a Free-State, or Government by the People, settled in due and orderly succession of their supreme Assemblies, is far more excellent every way, than any other form whatsoever” (*Nedham M.* The Excellencie of A Free State. L., 1767. P. 45).

³² “In soe much that we are like men in A dreame, and almost Amazed at his unexpected appears in this late greate Revolution, And change of the whole Civill Gouernment of these Nations” (An Account of the Fall of the Protector Richard Cromwell, in a Letter from Nehemiah Bourne. London. 20 May 1659 // The Clarke Papers. Selections from the Papers of William Clarke. In 4 vols. / Ed. by C. H. Firth. Vol. 3. L., 1899. P. 209).

³³ “You have been your selves witnesses of so many revolutions, and have had so much experience, how far any Power and Authority that is only assumed by passion and appetite, and not supported by Justice, is from providing for the happiness and peace of the people» (His Maiestie’s Letter to general Monck. From Breda April 4/14 1660 // A Collection of His Majestie’s Gracious Letters, Speeches, Messages and Declarations since April 4/14 1660. L., 1660. P. 23).

³⁴ And because in the continued distractions of so many years, and so many and great revolutions (His Maiestie’s Declaration from Breda to all His loving Subjects. April 4/14 1660 // *Ibid.* P. 9).

³⁵ “And after so many revolutions, and the observation of what hath attended them, are now trusted by Our good Subjects to repair the Breaches, which are made, and to provide proper remedies for those evils, and for the lasting peace, happiness and security of the Kingdom” (His Maiestie’s Letter to the House of Commons, from Breda. April 4/14 1660 // *Ibid.* P. 11–12).

время произошли в Нашем Королевстве к удивлению и недоумению всего мира»³⁶.

В 1668 г. появился составленный в форме диалога трактат Томаса Гоббса «Бегемот», посвященный событиям, происходившим в Англии с 1640 по 1660 г. Цепь самых главных из этих событий, состоявших в переходе верховной государственной власти от одного политического субъекта к другому, философ назвал термином “revolution”. Как бы подытоживая свои рассуждения о происходившем в Англии в указанное двадцатилетие, Томас Гоббс сообщал: «Я видел в этой революции круговое движение суверенной власти через двух узурпаторов, от покойного короля к его сыну. Ибо... она перешла от короля Карла I к Долгому парламенту; отсюда к парламентскому охвосту (Rump); от парламентского охвоста к Оливеру Кромвелю; и затем снова от Ричарда Кромвеля к парламентскому охвосту; отсюда к Долгому парламенту; а отсюда к Карлу II, где пусть и остается»³⁷. Очевидно, что употребление термина «революция» в таком контексте сужало его значение, придавая ему характер чрезвычайного происшествия. В отличие от Энтони Эшэма, Томас Гоббс называл революцией не просто переход от одной формы правления к другой, но акты узурпации верховной государственной власти. Его понимание революции предполагало взгляд на это явление не как на стихийное движение или самопроизвольные, повторяющиеся перемены. Он использовал термин «революция» для обозначения сознательных усилий, направленных на насильственный захват верховной государственной власти.

Так постепенно европейские интеллектуалы подходили к современному пониманию революции. Трактовки этого явления мыслителями XVII в. представляют особый интерес еще и потому, что они не искажались мифами, которые создавали о революции революционеры. Английские политические деятели, которые вели борьбу с королем Карлом I, не называли себя революционерами и не использовали термин “revolution” для характеристики последствий своих деяний.

³⁶ “In these great revolutions, which of late have happened in that Our Kingdom, to the wonder and amazement of all the world...” (His Maiestie’s Letter from Breda, April 4/14 1660 to the Lord Major, Aldermen, and Common-Councel of the City of London // A Collection of His Majestie’s Gracious Letters, Speeches, Messages and Declarations since April 4/14 1660. L., 1660. P. 26–27).

³⁷ “I have seen in this revolution a circular motion of the sovereign power through two usurpers, from the late King to his son. For (leaving out the power of the council of officers, which was but temporary, and no otherwise owned by them but trust) it moved from King Charles I to the Long Parliament; from thence to the Rump; from the Rump to Oliver Cromwell; and then back again from Richard Cromwell to the Rump; thence to the Long Parliament; and thence to Charles II, where long may it remain” (*Hobbes Th. Behemoth: The History of the Causes of the Civil Wars in England // The English works of Thomas Hobbes. Vol. 6. L., 1840. P. 418*).

Мифа революции в то время еще не существовало, во всяком случае его не применяли для оправдания государственных преступлений. Современное понимание революции осложнено в первую очередь именно этим мифом, который создают и поддерживают сами революционеры.

Вместе с тем понимание любой революции усложняется еще и тесной связью этого явления с такими общественными феноменами, как народное восстание, бунт, мятеж, путч, государственный переворот, гражданская война. В каком соотношении с революцией находятся перечисленные эксцессы: что они собой представляют? Это формы революции? Или то, что составляет ее содержание? Это способы осуществления революции? Или вытекающие из нее последствия?

Термин «революция» широко применяется для обозначения просто качественных перемен в какой-либо сфере общественной жизни: если они происходят в науке, то говорят о научной революции, если в промышленности, называют их «индустриальной революцией», если в земледелии — «аграрной революцией», если в культуре — «культурной революцией», если в демографической сфере — «демографической революцией» и т. д. Поэтому революцию, в результате которой происходит быстрая насильственная смена правящих группировок и качественное изменение государственного строя, называют (чтобы отличить от множества других революций) «политической». Но революция такого рода не может не быть одновременно революцией «юридической». Она взрывает существующий правопорядок, вызывая таким образом необходимость создания нового правопорядка. Новая государственная власть, чтобы утвердиться в обществе, должна найти новые основания для своей легитимности. Только при этом условии она будет признана обществом и сохранится. Проблема легитимности государственной власти во время революции становится особенно острой. Если она не решается мирными средствами, неизбежным средством ее решения становится гражданская война.

С юридической точки зрения любая революция — это преступление, нарушение существующих норм государственного права, подрыв устоев государства. Вместе с тем часто бывает так, что правительство, возникающее в результате революционных событий, именно революцию объявляет основанием своей легитимности.

Любая революция — это катастрофа для государства, общества, человека. Это разрушение традиционной, столетиями складывавшейся системы обуздания человеческих пороков. Люди, оказавшиеся в эпицентре революционного взрыва, ввергаются поэтому в первобытное состояние, при котором им приходится вести постоянную борьбу за свое выживание. Ничто так не показывает истинное состояние человека, общества, государства, как революционная катастрофа.

фа. Революция — это настоящий момент истины для той страны, где она происходит.

Исследователь идеологии английских революций XVII в. американский профессор Перез Загорин считал тему революций важнейшей в исторической науке. «Есть как минимум две причины, — писал он, — которые можно было привести, предпринимая историческое и сравнительное исследование революции. Первая — это желание совершить революцию, второе — это желание ее предотвратить. Возможно, почти все исследователи руководствуются лишь этими мотивами, но есть еще и третья причина, придающая изучению революции огромный интерес и значимость, даже несмотря на то, что ее побудительная сила, без сомнения, гораздо более ограничена. Она состоит в том, что постижение революции является непременным условием для более полного знания и понимания общества. В зависимости от того, как мы определяем ее, революция может быть обыкновенной или необыкновенной, часто или редко происходящей. Однако в случае обществ, наций и сообществ, которые пережили революцию, мы не можем притязать на их адекватное понимание без понимания их революций. В глубоком и поэтому не в тавтологическом смысле истиной является то, что каждый народ получает те революции, которые заслуживает, и столь же верно, что он получает только такие революции, на которые способен»³⁸.

Историю страны, подвергнутой революционным преобразованиям, действительно трудно понять без понимания революции, которую ей довелось испытать. Но любое ли радикальное качественное изменение государственного и общественного строя является революцией? Любое ли крушение государства, насильственная смена правящих группировок и политического режима путем массовых выступлений населения есть революция? И кто обыкновенно первым называет подобные перемены революцией — не сами ли революционеры или заговорщики, осуществившие государственный переворот, повлекший за собой разрушение государства?

Французская революция конца XVIII в. была названа «революцией» в первую очередь самими революционерами. Февральско-мартовская революция в России была названа «революцией» прежде всего заговорщиками, свергнувшими Николая II с императорского престола.

Американский политолог Джеймс Фарр, анализируя доминирующие в политической науке концепции «революции», сделал вывод,

³⁸ Zagorin P. *Rebels and Rulers, 1500–1660*. Vol. 1: Society, states, and early modern revolution. Agrarian and urban rebellions. N.Y., 1984. P. 3; также см.: Zagorin P. *Prolegomena to the Comparative History of Revolution in Early Modern Europe // Comp. Stud. Soc. & Hist.* 1976. Vol. 18. N2. P. 151.

заслуживающий особого внимания со стороны исследователей той или иной конкретной революции в мировой истории и в особенности катастрофических для русской государственности событий 1917 г.: «Давайте начнем с замечания, что “революция” — это в такой же мере концепция политического деятеля, как и теоретика, и революционеры (как и все политические деятели) придерживаются теорий о самих себе и о политике в целом. Не является, конечно, секретом, что некоторые из величайших теоретиков революции относились одновременно и к числу величайших революционеров. Ибо революции состоят из действий или выступлений, которые частично идентифицируются в терминах, выражающих намерения политического деятеля. Эти намерения встраиваются в сеть убеждений и практического опыта, и эти убеждения и практический опыт частично составляют понятия, которых придерживаются их носители. Таким образом, идентификация теоретиком взрывного набора событий в качестве “революции” (в отличие, скажем, от бунта, мятежа, восстания, реформы, протеста или реставрации, т. е. от всех других форм политического поведения, с которыми революция имеет естественное сходство, но в остальном от них отлична, как бывают различны между собой родственные явления) зависит, по крайней мере изначально, от намерений, убеждений и понятий собственно революционеров и особенно от их понимания “революции”. Сама наша идентификация революции изначально и в значительной мере зависит от представлений собственно революционеров и их самоидентификации. Без них мы оказываемся перед существенной опасностью ошибочной идентификации того, что теоретик революции о ней натеоретизировал. Излишне говорить, что ничего подобного не бывает в естественных науках, однако правда заключается в том, что планеты также проходят через свои революции»³⁹.

³⁹ “Let us begin by noting that ‘revolution’ is an actor’s concept as much as a theorist’s concept, and revolutionaries (like all political actors) hold theories about themselves and about politics in general. It is of course no secret that some of the greatest theorists of revolution have been some of the greatest revolutionaries. For revolutions are made up of actions or performances that are partly identified in terms of the actor’s intentions. These intentions are framed within a network of beliefs and practices, and these beliefs and practices are partly constituted by the concepts agents hold about them. Thus for a theorist to identify an explosive set of events as a ‘revolution’ (as opposed to, say, a riot, rebellion, revolt, reform, remonstrance, or restoration, that is, all those other forms of political behavior with which revolution forms a natural family but are otherwise different, as family members go) depends at least initially on the revolutionaries’ own intentions, beliefs, and concepts, and more especially their concept of ‘revolution’. Our very identification of revolution hangs initially and in large measure on the revolutionaries’ own concepts and self-identifications. Without them we stand in considerable peril of misidentifying what it is that the theorist of revolution is to theorize about. Needless to say, there is no analog of this in the natural sciences, however true it is that planets go through their revolutions” (*Farr J. Historical Concepts in Political Science: The Case of “Revolution” // Amer. J. Polit. Sci.* 1982. Vol. 26. N4. P. 699).

Распространенные в исторической литературе трактовки английских революций XVII в. и революции во Франции конца XVIII в. сформировались в значительной мере под влиянием противников королевской власти, самих революционеров, а также их последующих приверженцев. Именно поэтому развитие английской государственности на протяжении XVII в. представляется историками как переход от абсолютной монархии к монархии конституционной. При этом утверждается, что большую роль в этом прогрессе сыграли революции. Так, во втором томе книги американского историка права Гарольда Бермана «Право и революция» утверждается, что «до 1640 года формой правления в Англии была абсолютная монархия, в которой король правил с помощью своего совета и иногда, в случае когда созывал его, с помощью своего парламента... После 1689 года формой правления была конституционная монархия, в которой парламент собирался постоянно и был высшим органом, хотя король и его совет сохраняли с согласия парламента существенную власть, особенно относительно иностранных дел и заморских колоний»⁴⁰. Подобное представление о развитии английской государственности в XVII в. проводится и в книге П. Гордона и Д. Лоутона «Королевское воспитание: прошлое, настоящее и будущее». По их мнению, частью истории «славной революции» 1688 г. был «поворот от абсолютизма и божественного права к конституционной монархии и ответственному правительству». «Мы можем рассматривать период Стюартов, — пишут они, — как время, когда почти абсолютная власть была трансформирована в начала ограниченной монархии конституционного рода»⁴¹.

На самом деле английская абсолютная монархия являлась одновременно монархией конституционной. Феодалное государство было неотделимо от общества, оно было устроено преимущественно как *частноправовая* корпорация: его институты растворялись в словесной организации господствующего класса, а функции государственной власти в большинстве своем оказывались производными от прав на землю. По этой причине в средневековой политико-правовой идеологии отсутствовало понятие государства. В течение XVI—первых десятилетий XVII в. в Англии шел процесс усиления публично-правовых начал в организации королевской власти и механизмах ее осуществления. В политико-правовой идеологии эти изменения выражались в утверждении представления о государстве как *самостоятельном политическом сообществе, организованном на основе публично-правовых принципов*, и в появлении трактовки короля в каче-

⁴⁰ Berman H. J. Law and Revolution, II. The impact of the protestant reformations on the western legal tradition. Harvard, 2003. P. 207.

⁴¹ Gordon P., Lowton D. Royal Education. Past, Present and Future. L., 2003. P. 6, 87.

стве *политического института*, существующего наряду с королем как физической персоной⁴².

Развитие английской государственности в дореволюционный период показывает, что главным содержанием этого процесса было не усиление королевской власти, а ее **институционализация** — превращение в политический институт. Наиболее ярко данная перемена выразилась в появлении сначала в судебной практике, а затем и в официальной политической идеологии доктрины «двух тел короля» — физического и политического⁴³.

Помимо короля процесс институционализации охватил и парламент, и правительство Англии. Королевский совет, состоявший из трех—четырёх сотен феодалных магнатов, еще в период правления Генриха VIII уступил место Тайному совету — правительственному органу, в который входило два десятка не слишком знатных людей, но зато обладавших навыками и способностями профессиональных бюрократов. Естественно, что такое государство требовало больше финансовых средств для поддержания своей деятельности и короли неизбежно должны были прилагать особые усилия для пополнения государственной казны, что также неминуемо вызывало недовольство со стороны состоятельных слоев общества.

Начавшаяся в конце 1640 г. революция была в сущности своей реакцией на формирование в Англии нового, обновленного модернизированного государства вместо прежнего, феодалного. Неслучайно идеология этой так называемой «революции» была направлена не в будущее, а в прошлое. Консервативный характер данной идеологии ясно выражала «Петиция о праве» 1628 г.⁴⁴ Современникам, наблюдавшим со стороны, как разворачивался внутри Англии политический конфликт, приведший к гражданской войне, казни короля Карла I, установлению диктатуры лорда-протектора, а потом ее падению и признанию парламентом законным английским королем Карла II, сына казненного монарха, такой ход событий казался очень странным.

Но еще более странными выглядели события, происходившие в Англии осенью и зимой 1688—1689 гг., которые вошли в историю под названием «славной революции». В действительности это был государственный переворот, совершенный с помощью нидерландских

⁴² См. подробнее об этом: Томсинов В. А. Государственный строй абсолютной монархии в Англии: новый взгляд // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. Сер. Юридические науки. 2014. № 4 (16). С. 37—52.

⁴³ См. о формировании и сущности этой доктрины: Томсинов В. А. Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров // Проблемы истории государства и права: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. А. Томсинов. М., 2009. С. 29—35.

⁴⁴ Подробнее см.: Томсинов В. А. Юридические аспекты английской революции 1640—1660 гг. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 — август 1642 года. М., 2010. С. 70—86.

войск и приведший к утверждению на английском троне вместо Якова II Стюарта штатхаудера Нидерландов Вильгельма, принца Оранского, который представлял интересы, пожалуй, самой влиятельной в то время в Западной Европе финансовой и политической группировки. Она базировалась до этих событий в Нидерландах, но после того, как Вильгельм стал новым английским королем под именем Уильяма III, переместилась в Англию.

Но кто же первыми стали величать захват Англии иностранной финансовой и политической группировкой «славной революцией»? Оказывается, сами активные участники этой грандиозной операции. Прежде всего пособник Вильгельма, принца Оранского английский аристократ Роберт Спенсер, 2-й граф Сандерленд (1641–1702). В письме к новому английскому королю Уильяму III, написанном 8/18 марта 1688/1689 г., он назвал только что совершенный в Англии государственный переворот термином “glorious revolution”. После него данное событие стал называть «славной революцией» Джон Гэмпден (1653–1696), активный участник Конвента, который идеологически оформил восшествие штатхаудера Нидерландов на английский престол. В XVIII в. это название подхватили историки, завершившие формирование мифологии «славной революции» на основе представлений и умонастроений ее участников⁴⁵.

Трактовки революционных событий революционерами оказали огромное влияние на историографию российских революций 1917 г. и во многом определили ее характер. Все главные участники этих событий и даже те, кто их двигал, спаслись, покинув Россию⁴⁶. Проживая в эмиграции, они создали беспрецедентный по своему объему массив мемуарных произведений о революционной катастрофе 1917 г., в которых сознательно или непроизвольно провели собственный взгляд на произошедшее.

Мало кто из них писал, чтобы рассказать правду. Зная достоверно, что на самом деле произошло в России в 1917 г., они о многом и весьма важно просто умолчали, многое исказили, а немало сюжетов даже придумали. Сторонние же наблюдатели роковых событий, способные быть менее пристрастными, мало что понимали в смысле происшедшего. Да и не могли понять. Поэтому огромный массив мемуаров, дневников, записок о революциях 1917 г., показывая в деталях, как разворачивалась эта русская трагедия, на самом деле не проясняет, а запутывает ее фабулу.

⁴⁵ См. об этом: Томсинов В. А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билья о правах. М., 2010. С. 8–30.

⁴⁶ Среди них в первую очередь следует назвать таких людей, как А. И. Гучков, М. В. Родзянко, П. Н. Миллюков, А. Ф. Керенский, В. А. Маклаков, В. В. Шульгин, В. Д. Набоков, Г. Е. Львов, А. А. Бубликов, В. И. Гурко, В. Б. Станкевич и др.

Борис Бьёркелунд, служивший в феврале 1917 г. мичманом Русского императорского флота и бывший свидетелем событий, происходивших в то время в Петрограде и его окрестностях, при описании их спустя полвека в своих мемуарах счел необходимым заметить: «О революции, ее причинах, развитии и течении написано более чем достаточно и со временем будет написано еще больше. За перо брались как ее сторонники, рассчитывавшие сделать карьеру и попасть в историю, так и противники, потерявшие все вплоть до родины и желавшие оправдаться перед потомством за совершенные ими глупости. Писали и “большие люди” в кавычках в силу слепого случая сыгравшие крупную роль, и мелкота, не игравшая никакой роли, но все-таки бывшая “современником событий”. Большинство их теперь ушло в лучший мир, и все писания, мемуары, воспоминания слились в головах потомства в хаос, малопонятный и запутанный»⁴⁷.

Между тем разгадка тайн российских революций 1917 г. имеет огромное значение для понимания самого феномена **революции**. Определяя данное явление как радикальное насильственное качественное изменение в государственном и общественном строе, в официальной политической идеологии, доминирующих ценностях, ученые предполагают, что на месте и вместо разрушенного государства возникнет государство новое, качественно отличающееся от прежнего, сокрушенного революцией. Но если этого не происходит, если существующее государство под действием заговора просто гибнет, а нового государства вместо него не возникает, то можно ли в этом случае говорить о революции? *Может быть, правильнее называть такой поворот событий не революцией, а просто **разрушением государства**.*

И как понимать приход к власти новой политической силы в условиях разрушенного государства, если эта сила своими действиями, пусть и немислимо жестокими, восстанавливает государство — естественно, на других основаниях и в других формах, — которое было разрушено?

В данном случае действительно происходит радикальное качественное изменение, переход в новое состояние, но не от одного государственного строя к другому, а от безгосударственного состояния к государственности. Можно ли такое превращение назвать революцией? *Не представляет ли собой это явление нечто большее, чем просто революция?*

Как бы то ни было, российские революции 1917 г. показывают немало такого, что совсем не укладывается в теорию революции, созданную на материале западноевропейских революций XVII, XVIII и XIX вв.

⁴⁷ Бьёркелунд Б. В. Воспоминания. СПб., 2013. С. 39.

Любая революция есть неповиновение народных масс официальной государственной власти и в силу своей масштабности их выступления всегда оказываются наиболее заметным революционным событием. Однако часто они представляют собой всего лишь внешнюю сторону революции, скрывающую феномен значительно более существенный. Таким феноменом является измена высших должностных лиц своему государству, их отказ соблюдать нормы конституции и других законов, подчиняться воле носителя верховной государственной власти, исполнять его указы и распоряжения. Все это влечет за собой разрушение государства.

И в Английской революции 1640–1660 гг., и в революции 70–80-х гг. XVIII в. в Северной Америке, а еще более в процессе Великой французской революции 1789–1795 гг. одновременно с неистовым стремлением разрушить исторически сложившийся правопорядок и государственный строй проявлялось и упорное желание построить взамен старого иной правопорядок и основать новое государство или во всяком случае заложить фундамент для их создания. И английские, и американские, и французские революционеры, поднимаясь на революцию, имели в своем распоряжении проект или модель нового государственно-правового устройства своей страны. Во всяком случае у них сложились вполне определенные представления о том, каким оно может стать. Еще более целеустремленными и планомерными в своей разрушительной и созидательной деятельности были российские революционеры-большевики. Октябрьская революция 1917 г. в России совершенно заслуженно была названа «великой».

Не такой была февральско-мартовская революция 1917 г. Она оказалась, в сущности, революцией без революционеров и без проекта революционного переустройства общества. Это осознали в конце концов уже в эмиграции и некоторые активные ее участники, не утратившие в пылу борьбы с самодержавием здравого смысла. Одним из таких людей был Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957). В письме к бывшему послу Временного правительства в США Б. А. Бахметеву 5 сентября 1921 г. он сравнил две русские революции между собой, высказав мысли довольно необычные для того круга, в котором вращался: «Во время революции мы оказались свободны. Нам никто не мешал; нужно было не только разрушать, но и строить; тут невозможна была одна программа: долой. Но наша программа свелась к одному отрицанию... Я опять прихожу к трагическому выводу: если я с ненавистью и презрением отношусь к “великой” мартовской революции и с негодованием к претензии заставить ей поклоняться, то скажу совершенно обратное про октябрьскую. Октябрьская революция — настоящая революция. Не будь ее, мартовская прошла бы как маленький эпизод, который скоро кончился бы реставрацией...

Октябрьская революция дала все, что полагается дать революции, — и программу, и дерзновение, и смелость убежденных и верящих людей. К ним, конечно, как всегда примазались мерзавцы; они бывают всегда, но в октябрьской революции были и настоящие сильные люди — революционеры. Конечно, она явилась со всем тем, что я вообще не люблю в революции, но это было все-таки то, что отличает Революцию от шалости и балагана. Если история когда-либо и признает значение, то это октябрьской, а не мартовской революции»⁴⁸.

В. А. Маклаков не сказал всей правды — может быть, только потому, что адресат его письма, хорошо ее знал, — но эта правда объясняет одну из главных причин, по которой так называемая февральско-мартовская революция оказалась явлением чрезвычайно разрушительным для российской государственности. Главное ее содержание составлял заговор против императора Николая II влиятельных российских финансистов и промышленников, руководителей и депутатов Государственной думы, некоторых членов царствовавшей династии, генералов и адмиралов, занимавших высокие должности в Ставке Верховного главнокомандующего, посты командующих фронтами и флотами. Целью заговора было отстранение государя от власти с передачей престола его сыну цесаревичу Алексею Николаевичу при регентстве брата — великого князя Михаила Александровича и формирование правительства, подконтрольного заговорщикам.

Для достижения этой цели заговорщики должны были осуществить необычную и довольно сложную комбинацию. Императора Николая II заговорщикам надо было выманить из Петрограда в Могилев накануне намечавшихся в столице уличных бунтов. На следующий день после отъезда его величества в Петрограде должны были начаться «народные» волнения, затем вспыхнуть солдатский мятеж, образоваться новое правительство взамен царского. Обо всем этом надлежало представить в самых мрачных красках императору. Он должен был выехать из Могилева в Царское Село, но при этом ни в коем случае не попасть туда до своего отречения от престола. Императорскому поезду надлежало остановиться в Пскове, где был расположен штаб командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского. При этом необходимо было предотвратить поход верных государю и государству боевых воинских частей на мятежный Петроград. А самое главное — государю императору надобно было внушить мысль о том, что только его отречение от престола способно спасти Россию, причем предложение отказаться от верховной государственной вла-

⁴⁸ «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: В 3 т. Т. 1: Август 1919 — сентябрь 1921. М., 2001. С. 478–479.

сти должно было поступить Николаю II одновременно и от Государственной думы, и от высшего генералитета.

Все это было осуществлено так, как и было задумано, — Николай II отрекся от престола⁴⁹. Тем не менее заговорщики не достигли своей цели. Они учли почти все, но не предусмотрели, что император может отречься в пользу не сына, цесаревича Алексея Николаевича, а брата, великого князя Михаила Александровича. Но самое главное: заговорщики не ожидали, что вызванная ими на улицы Петрограда для оказания давления на государя народная стихия окажется настолько мощной и организованной, что обуздать ее будет некому.

Заговор против императора Николая II с целью замены его на другое лицо предполагал лишь игру в революцию, но в действительности получилось так, что именно революция стала играть заговорщиками. Они надеялись обуздать революционную стихию после того, как она выполнит свою роль в их заговоре. Но получилось наоборот: революция стала управлять ими, вершить их судьбы и мстить за попытку обмануть...

Датой начала февральско-мартовской революции 1917 г. в России считается 23 февраля (по Юлианскому календарю), т. е. день начала массовых демонстраций и митингов в Петрограде. Но очевидно, что эти выступления горожан не имели бы никаких сколько-нибудь серьезных последствий для государственного строя Российской империи, если бы не бунт запасных полков, вспыхнувший в столице 27 февраля. Это вполне сознавалось в гуще тех событий. В передовице вышедшей в марте второй книжки «Вестника Европы» декларировалось: «С незабвенного 27 февраля 1917 года начинается новая эпоха русской истории. Старый, прогнивший насквозь государственный строй, поддерживаемый жестокими мерами насилия и беззакония, низвергнут единодушным порывом народа и армии»⁵⁰.

Однако и сам по себе солдатский бунт не получил бы революционного значения, а остался бы всего лишь бунтом, если бы не был поддержан Государственной думой. Она не могла с 27 февраля не только действовать, но даже и просто собраться на законных основаниях, поскольку указом Николая II, датированным 25 февраля, ее работа была приостановлена. Депутаты подчинились высочайшему указу только формально, а фактически продолжили свою деятель-

ность, которая в тех условиях приобрела, без сомнения, самый что ни на есть антигосударственный характер. Собравшись неофициально в одном из дополнительных залов Таврического дворца, они обсудили создавшееся положение и решили поручить Совету старейшин Думы (сеньорен-конвент) выбрать Временный комитет из депутатов Государственной думы.

Приблизительно в полдень 27 февраля Совет старейшин принял два постановления: 1) «Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах» и 2) «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Гос[ударственная] Дума примет живейшее участие, но для этого прежде всего необходимы порядок и спокойствие»⁵¹.

День 27 февраля действительно стал переломным в Петроградских событиях конца февраля—начала марта 1917 г., но только благодаря антигосударственной позиции, занятой руководством и депутатами Государственной думы. До этого дня все движение на улицах Петрограда, сколь бы массовым оно ни было, являлось всего лишь цепью преступлений. И особенно тяжкими преступлениями считались бунты солдат, не желавших ехать на фронт и убивавших тех своих командиров, которые призывали их к порядку. Впрочем, бунтующие и сами вполне сознавали преступный характер своего поведения. Именно поэтому совершив преступление, они шли к Таврическому дворцу, где располагалась Государственная дума и готовы были охотно ей подчиниться.

Согласившись взять на себя руководство этим преступным движением, думские депутаты превратили совершенные бунтовщиками преступления, причем и самые тяжкие, в революцию.

Эту удивительную метаморфозу февральских событий в Петрограде хорошо понял их очевидец член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов В. Б. Станкевич. В своих воспоминаниях, опубликованных спустя три года в Берлине, он объяснил влечение бунтовщиков к Государственной думе: «Дело было в том, что солдаты, нарушив дисциплину и выйдя из казарм не только без офицеров, но и помимо офицеров, *даже убивая их, исполняющих свой долг*, оказалось, по официальной, повсеместной, всенародной и обязательной для самих офицеров терминологии, *совершили великий подвиг освобождения*»⁵² (курсив мой. — В. Т.).

Выступая 18 июля 1917 г. на частном совещании депутатов член фракции прогрессистов депутат А. М. Масленников прямо заявил,

⁵¹ Цит. по: Николаев А. Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля — 3 марта 1917 г.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. С. 193.

⁵² Станкевич В. Б. Воспоминания 1914—1919 гг. Берлин, 1920. С. 72.

что именно Государственная дума превратила солдатский бунт в революцию. «Вспомним, — говорил он, — как получилось то, что наша революция, вместо того чтобы создать свободную великую Россию, создала страну позора и предательства, над которой глумится весь мир. Господа, мы помним, как это сделалось. Мы помним, что когда 27 февраля взбунтовавшийся Волынский полк пришел сюда расстроенный, дезорганизованный, не в порядке, и когда прибежали толпы рабочих, плохо снабженных оружием, тоже дезорганизованных, и когда вожаки революции — Керенский, Скобелев и Чхеидзе — пришли в Думу и молили эту Думу о том, чтобы она возглавилась над этим восстанием, что **только в этом возглавлении и залог того, что в России будет революция**, а не солдатский бунт, который будет легко подавлен, Государственная дума это движение возглавила. Я не знаю, как вы, но в то время особыми надеждами себя не обольщал. Я думал, что это дело окончится тем, что этих взбунтовавшихся солдат легко усмирят, а некоторых из нас перевешают или сошлют в Сибирь. Но Николай довел свое царствование до такого позора, что лучше было погибнуть, умереть, чем оставаться далее подданными этого нелепого деспота. Господа, **благодаря тому, что Дума стала во главе, вместо солдатского бунта, легко подавляемого, действительно совершилась революция**»⁵³ (выделено мною. — *В.Т.*).

Однако Николай II в то время был еще на престоле и под его началом находилась многомиллионная, имевшая опыт жестоких боев армия. Упомянутые Петроградские события конца февраля 1917 г. вполне могли остаться в истории всего лишь кровавым мятежом, если бы не последовало вслед за ними отречения его величества от верховной государственной власти. Это признавали впоследствии и сами заговорщики. Так, А. А. Бубликов, управлявший с 28 февраля от имени Государственной думы министерством путей сообщения и соответственно осуществлявший контроль за продвижением по железным дорогам вокруг Петрограда, признавал в своих мемуарах, изданных через год с небольшим после этих роковых событий, что если бы император Николай II ощутил тогда хотя бы малейший прилив энергии, так называемые «революционеры» оказались бы на виселице. «Ведь в Петербурге, — утверждал Александр Александрович, — была такая неразбериха, Петербургский гарнизон уже тогда был настолько деморализован, на “верхах” так мало было толку, порядка и действительно властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание в корне было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже простым перерывом

⁵³ Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А. К. Дрезена, предисл. З. Б. Лозинского. М.; Л., 1932. С. 196.

железнодорожного сообщения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться. Мне это, сидя в министерстве путей сообщения, было особенно ясно видно»⁵⁴.

2 марта 1917 г. на улицах Петрограда появилось весьма забавное сообщение: «Граждане! Временный комитет Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, что он позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти. Для этой цели Временный комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью». Далее шел список министров. Под этим текстом стояла подпись: «Председатель Совета министров и Внутренних дел князь Г. Е. Львов»⁵⁵.

Но Николай II был в это время еще императором. Хотя решение отречься от престола он принял около 3 часов дня 2 марта, акт об отказе от императорской власти был подписан им незадолго до полуночи, т. е. в ночь со 2 на 3 марта. Николай заявлял в нем: «В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского»⁵⁶.

3 марта великий князь Михаил Александрович подписал акт, в котором заявил, что «принял твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы государства российского»⁵⁷.

4 марта 1917 г. Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского в пользу великого князя Михаи-

⁵⁴ Бубликов А. А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 58.

⁵⁵ Вестник Временного правительства. 1917. № 1. 5 (18) марта. С. 1.

⁵⁶ Акт об отречении Государя Императора Николая II от Престола Государства Российского и о сложении с себя верховной власти. 2 марта 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1: 27 февраля — 5 мая 1917 г. Составлен Отделением Свода законов Государственной канцелярии. Пг., 1917. С. V.

⁵⁷ Акт об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти и о признании им всей полноты власти за Временным Правительством, возникшим по почину Государственной Думы // Вестник Временного правительства. 1917. № 1. 5 (18) марта. С. 1.

ла Александровича и Акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти и о признании им всей полноты власти за Временным правительством, возникшим по почину Государственной думы, были опубликованы для всеобщего сведения.

Очевидно, что и эта дата вполне может быть принята за дату начала февральско-мартовской революции. Ведь именно отречение Николая II от верховной государственной власти окончательно придало предшествовавшим этому событию заговорам, мятежам, бунтам характер революционного действия. А революция в свою очередь стала единственным источником легитимности для новой государственной власти.

Возникшее вместо царского правительства так называемое «Временное правительство» имело весьма шаткое юридическое основание и потому слишком мало возможностей для осуществления своей власти. В сущности, единственным оправданием для него был подписанный Николаем II указ о назначении председателем Совета министров князя Г. Е. Львова, но он был подписан императором вместе с актом об отречении от престола. Мог ли такой указ иметь какое-либо значение в глазах населения? Очевидно, что нет.

А. И. Гучков, занявший в новом правительстве пост военного и (по совместительству) морского министра, признал уже в эмиграции, что Временное правительство имело всего один шанс на благополучный исход своей авантюры, но он «отпал одновременно с появлением Временного правительства — тогда, когда Временное правительство осталось без какой бы то ни было санкции сверху в смысле отсутствия монархического престижа и преемственности власти и в смысле отсутствия опоры снизу, когда не было ни законодательных учреждений, ни опоры в организованном общественном мнении и настроении масс»⁵⁸. Поясняя эти слова, Александр Иванович рассказывал: «Мы буквально повисли в воздухе: не было почвы и наверху не было исторического знамени. В тот момент, когда я убеждал государя отречься, я считал, что с маленьким Алексеем в качестве государя (и вообще с каким-то все-таки законным государем во главе) этой власти можно было спасти положение. Был не только символ, а была какая-то живая сила, которая имела в себе большое притяжение, для борьбы за которую можно было найти очень много людей, которые умерли бы за царя, даже маленького. [Иное дело —] за Временное правительство. Надо было обладать высоким разумом для того, чтобы через эту группу людей обычного склада прозреть Государство, Отечество, страну»⁵⁹.

⁵⁸ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 61–62.

⁵⁹ Там же. С. 62.

Убеждение в том, что настоящую легитимность и, следовательно, власть Временному правительству мог дать только законный государь, было у Гучкова настолько сильным, что после отказа великого князя Михаила Александровича воспринять переданную ему Николаем II императорскую власть до решения Учредительного собрания Александр Иванович порывался оставить пост военного министра и выйти из его состава. Он был уверен, что при отсутствии надлежащей легитимности деятельность Временного правительства обречена на бесплодность. Это мнение разделял и П. Н. Миллюков. В своих воспоминаниях он назвал фактическую ликвидацию монархии «первой капитуляцией русской революции»⁶⁰.

Необходимость срочно создать вместо царского правительства не просто временную правительственную власть, а настоящее легитимное правительство ясно сознавал сторонний наблюдатель роковых событий в Петрограде Л. А. Тихомиров. 28 февраля 1917 г. он занес в свой дневник следующую примечательную фразу: «Итак, наша Монархия, по крайней мере в самодержавной форме, — *рухнула*. Перевороты у нас бывали, но на место одного Царя немедленно являлся другой. Теперь мы — пока — не знаем, кто правит нами, кто у нас Верховная Власть, и есть ли она. А у нас — страшная война. Вопрос в том, успеют ли лица, произведшие переворот, создать моментально *беспорную* власть?»⁶¹

Отказ великого князя Михаила Александровича занять императорский престол не позволил Временному правительству получить легитимность от государя в форме высочайшего указа о назначении министров и председателя Совета министров. В этих условиях единственным источником власти для Временного правительства могли быть только революция и народ.

2 марта около 3 часов дня П. Н. Миллюков произносил в Екатерининском зале Таврического дворца речь о созданном накануне новом правительстве России. Отметив в своих воспоминаниях о данном событии, что «речь эта была встречена многочисленными слушателями, переполнившими зал, с энтузиазмом, и оратор вынесен на руках по ее окончании», Павел Николаевич признал, что «среди шумных криков одобрения слышались и ноты недовольства и даже протеста. “Кто вас выбрал?” — спрашивали оратора». Миллюков не мог ничего конкретного сказать в ответ, но сумел найти для него общие слова, которые в полной мере отражали статус Временного правительства. «Нас выбрала русская революция, — заявил он, — но мы не сохраним

⁶⁰ Миллюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1: Противоречия революции. София, 1921. С. 55.

⁶¹ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 345.

этой власти ни минуты, после того как свободно избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть людей, более заслуживающих их доверия»⁶².

Утром 28 февраля вышел в свет тиражом более 200 000 экземпляров первый номер советской газеты «Известия», в котором объявлялось о том, что днем ранее «в столице образовался Совет рабочих депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп», ставящий своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России⁶³. Данный орган начал действовать наряду с Временным правительством, существенно ограничивая его возможности проводить на практике свою политику.

Заговорщики не планировали радикально и качественно менять государственный строй, а хотели всего лишь заменить Николая II на его малолетнего сына, правильно предполагая, что в этом случае новое правительство будет иметь легитимность царского, но распоряжаться должностями в нем и определять правительственную политику будет не царь, а исключительно они через посредство Государственной думы. Однако действительный ход событий оказался таким, что потребовал от заговорщиков сделаться революционерами. Они вынуждены были объявить свой заговор революцией и принять на себя звание революционеров: оно освобождало их от ответственности за совершенное ими тяжкое государственное преступление и придавало созданному ими правительству хоть какую-то легитимность в глазах народа. Но они совершенно не были готовы к действительному превращению заговора в революцию и к тому, чтобы стать революционерами на самом деле. Никакого плана революционного преобразования России, т. е. радикального качественного изменения государственного и общественного строя у них не было. Сохранить же здание государственности, с которого они своим заговором снесли крышу, без переоборудования его, замены несущих конструкций, перестройки и перекраски было уже невозможно. Такое здание неизбежно начинало разрушаться.

Первое признание разрушительных последствий заговора против императора Николая II со стороны главных его участников последовало ровно через два месяца после опубликования акта об отречении его величества от престола. Выступая 4 мая 1917 г. на частном совещании членов Государственной думы, А. И. Гучков сообщил, что уходит

⁶² Миллюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. С. 51.

⁶³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций: В 5 т. Т. 1: 27 февраля — 31 марта 1917 года. Л., 1991. С. 21.

из Временного правительства и как бы в свое оправдание заявил: «Господа, то, что заставило меня уйти от власти, это была полная невозможность при сложившихся условиях выполнять свой долг, вызывая в стране опасную иллюзию чего-то несуществующего. Я ушел от власти потому, что ее просто не было... Ведь все-таки на началах непрекращающегося митинга управлять государством нельзя, а еще менее можно командовать армией на началах митингов и коллегиальных совещаний. А мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили **самую идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть**»⁶⁴ (выделено мною. — В. Т.).

19 июля 1917 г. Временный комитет Государственной Думы опубликовал в кадетской газете «Речь» заявление, в котором констатировалось: «Перед нами во весь рост стоит угроза государственного банкротства, разорения земств и городов, разрушения промышленности, торговли и сельского хозяйства, полного расстройств железных дорог, угроза голода и холода для городского населения.

Катастрофа в тылу повлечет за собою гибель армии, а гибель армии есть гибель России.

Путь только один — твердая и сильная власть, которая сурово потребовала бы от каждого и всех выполнения своего долга.

Правительство не должно руководствоваться велениями партийных организаций и отдельных классов, но, сильное в самом себе в своем единодушии, оно должно преследовать лишь одну цель — охранение великой нашей родины от смертельной опасности разложения.

Революция смела все власти на местах. Новые представители правительства в губернских и уездных центрах находятся в полной зависимости от местных партийных и классовых организаций, которые властно диктуют им свою волю. Судебные власти бездействуют. На местах господствуют комитеты и советы различных наименований и различного, часто самовольного, возникновения, постоянно меняющегося состава. Они не знают ни своих прав, ни своих обязанностей. Лишенные правительственного руководства и не сдерживаемые никем, они считают себя обладающими всею полнотою государственной власти.

Первейшей задачей правительства является безотлагательная организация правильной системы управления и суда, без чего все намеченные правительством реформы не могут быть осуществлены»⁶⁵.

Это заявление показывало, что к середине лета 1917 г. процесс разрушения государства в России, запущенный осуществленным в

⁶⁴ Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы. С. 4–5.

⁶⁵ Речь. 1917. № 167. 19 июля. С. 4.

конце февраля—начале марта государственным переворотом, не только не был остановлен, но даже ускорился. Стала распадаться вся система жизнедеятельности населения. Вопрос о том, кому будет принадлежать верховная государственная власть, превратился, по сути, в вопрос о том, будет ли эта власть существовать.

Восстановить государство в условиях, когда высший общественный слой — включая императора, всю династию Романовых, дворянство, буржуазию, духовенство, интеллигенцию, правительство и либеральную оппозицию, — полностью и бесповоротно дискредитировал себя в глазах населения, проявил себя совершенно неспособным управлять страной, можно было только на принципиально новых началах и сделать это могла только новая сила, способная опереться на народную стихию и использовать ее для возрождения России как полноценного государства и единой страны.

Список литературы

1. *Айзенштадт Ш.Н.* Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // Thesis. 1993. Вып. 2. Структуры и институты. С. 190-212.
2. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.
3. Буржуазия и помещики в 1917 году: частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А. К. Дрезена, предисл. З. Б. Лозинского. М.; Л., 1932.
4. *Милуков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1: Противоречия революции. София, 1921.
5. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля - 5 мая 1917 г. Составлен Отделением Свода законов Государственной канцелярии. Пг., 1917.
6. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А.Бахметев - В.А.Маклаков. Переписка. 1919-1951. В 3-х томах. Т. 1. Август 1919 - сентябрь 1921. М., 2001.
7. *Станкевич В. Б.* Воспоминания 1914—1919 гг. Берлин, 1920.
8. *Arendt H.* Das Phänomen der Revolution // Politische Vierteljahresschrift. 1963. Vol. 4. N 2. S, 116-149.
9. *Asham A.* A discourse wherein is examined, what is particularly lawful during the confusions and revolutions of government. London, 1648.
10. *Ascham A.* Of Confusions and Revolutions of Governments. Wherein is examined how farre a man may lawfully conforme to the Powers and Comands of those, who with various successes hold Kingdoms divided by Civil or Forraigne Warrs. London, 1649.

-
11. *Farr J.* Historical Concepts in Political Science: The Case of “Revolution” // American Journal of Political Science. 1982. Vol. 26. N 4. P. 688-708.
 12. *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven; L., 2006.
 13. *Hatto A.* “Revolution”: An Enquiry Into the Usefulness of an Historical Term // Mind. 1949. Vol. 58. N 232. P. 496-517.
 14. *Martiani Minei Feligis Capelae, afri carthaginiensis.* De nuptiis Philologiae et Mercurii et de septem artibus liberalibus. Libri novem. Frankofurti ad Moenum, MDCCCXXXVI (1836).
 15. *Nedham M.* The Excellencie of A Free State. London, 1767.
 16. *Opere di Francesco Guicciardini* . Vol. 1. Torinese, 1970.
 17. *Revolutions: Finished and Unfinished, From Primal to Final* / Ed. by P. Caringella, W. Cristaudo, G. Hughes. Cambr., 2012.
 18. *Sancti Aurelii Augustini, Hipponensis episcopi.* Opera omnia, multis sermonibus ineditis aucta et locupletata, extracta e collectione SS. Ecclesiae Patrum. Tomus III. Parisiis, MDCCCXXXIX (1839).
 19. *The Clarke Papers. Selections from the Papers of William Clarke.* In 4 vols. / Ed. C.H. Firth. Vol. 3. L., 1899.
 20. *The English works of Thomas Hobbes.* Vol. 6. London, 1840.
 21. *Yoder D.* Current Definitions of Revolution // American Journal of Sociology. 1926. Vol. 32. No. 3. P. 434-441.
 22. *Zagorin P.* Prolegomena to the Comparative History of Revolution in Early Modern Europe // Comparative Studies in Society and History. 1976. Vol. 18. No. 2. P. 151-174.
 23. *Zagorin P.* Theories of Revolution in Contemporary Historiography // Political Science Quarterly. 1973. Vol. 88. No. 1. P. 23-52.
-